

В. И. Чуешов

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск, Беларусь

О ШКОЛАХ В ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ АРГУМЕНТАЦИИ

В статье рассмотрен феномен школ в науке и философии, раскрыты особенности различных школ аргументации, выявлены коммуникативные и парадигмальные особенности советской и постсоветских, а также Польской школ теории и философии аргументации.

Ключевые слова: аргументация, теория и философия аргументации, советская и постсоветские школы аргументации, Польская школа аргументации, Львовско-Варшавская школа в философии

V. Tchouechov

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus

SCHOOLS IN THE ARGUMENTATION THEORY AND PHILOSOPHY

This article deals with the phenomenon of schools in science and philosophy, reveals the features of various schools of argumentation, reveals the communicative and paradigmatic features of the Soviet and post-Soviet, as well as the Polish schools of argumentation theory and philosophy as well as Lvov-Warsaw school of philosophy.

Keywords: argumentation, argumentation theory and philosophy, Polish school of argumentation, Lvov-Warsaw school of philosophy

В конце XX – начале XXI в. в философии и социогуманитарном познании возрос интерес к прицельному изучению проблем аргументации [1]. Свое внимание на эти проблемы обратили как отдельные исследователи из разных городов и стран, так и различные объединения, одним из которых является научная школа [2].

В истории науки и философии феномен школы известен еще с Античности. В Древней Греции в философии различали, например, школы Платона и Аристотеля, в Древнем Китае – Кун-цзы.

О школах в истории науки и философии обычно говорили, имея в виду отношения «учитель – ученик(и)», полагая, что только у гения учеников быть не может, и поэтому, например, для Аристотеля ценность его гениального учителя и друга Платона уступала ценности истины.

Как заметил И. И. Лапшин еще в 1922 г., школу в философии (науке) отличают четыре особенности: согласие ее членов в понимании сущности познания, методов его обоснования, технических навыков исследования, литературного стиля изложения [3, с. 21]. Несмотря на то что перечисленные признаки школы в философии в основном сохраняют свое значение и сегодня, ими обычно уже не ограничиваются.

Одни из исследователей справедливо указывают, что в истории науки существовали различные виды школ: «а) научно-образовательная школа; б) школа – исследовательский коллектив; в) школа как направление, приобретающее при определенных социально-исторических условиях национальный, а иногда и интернациональный характер» [2, с. 28]. При этом обращается внимание на то, что они могут быть представлены одними и теми же лицами.

Другие концентрируют внимание на особенностях лидерства в научных школах, полагая, что бытие школы в науке «невозможно без выполнения одним из ученых (а иногда и несколькими учеными) функций лидера или руководителя, сплачивающего вокруг себя остальных членов коллектива с целью реализации исходного замысла и исследовательской программы» [2, с. 6].

Третьи, наоборот, проблематизируют однозначность утвердительных и отрицательных высказываний о личностной персонификации лидерства в науке, соглашаясь в итоге с тем, что и сегодня понятие школы в науке еще далеко от прозрачности.

Вместе с тем уровень современной прозрачности понятия школы в науке не просто выше традиционного, но и качественно иной. С 60–80-х годов XX в. его качество складывалось в процессе исследования коммуникативных и парадигмальных свойств школы в науке и философии, трактовки ее как формы коммуникации, института, а самой науки и философии – как сложных социальных организмов.

Сегодня школа в науке нередко называется научным сообществом, которое прекращает существование после кончины ее представителей и (или) выпадения из сетей коммуникации. Коммуникативные особенности научного сообщества сегодня обычно именуют «учеными в организациях», руководствующимся в своей деятельности как внутренней (личностной), так и внешней мотивацией (задаваемой учителем, обществом); «незримым колледжем», совокупности по преимуществу неформальных коммуникационных связей ученых разных городов и стран, нередко осуществляющих функции лидерства в науке. В отличие от школы Аристотеля сегодня школа в науке (философии) рассматривается не только как царство истины, но и утверждения определенной дисциплины, в которой сосуществуют различные парадигмы и специальности.

Современное не только когнитивное, но и коммуникативно-дисциплинарное (парадигмальное) понимание природы школы в науке и философии выявляет новые смыслы в старых словах Ф. Бэкона о том, что «наука базируется

на фактах, а школа – на догмах» (цит. по [2, с. 8]), а также догадке Т. Куна, что после утверждения в науке определенной парадигмы (например, парадигмы Птолемея или Коперника в астрономии) важные на допарадигмальном этапе ее развития немногочисленные школы (заметим в скобках, что даже в Древнем Китае, несмотря на существование 100 школ, влиятельными и идентифицируемыми из них остались лишь шесть-восемь) оказываются уже менее востребованными.

С этой точки зрения кажущиеся иногда исчерпывающими определения научной школы, скажем, как сообщества «ученых разных статусов, компетенции и специализации, координирующих под руководством лидера свою исследовательскую деятельность, внесших вклад в реализацию и развитие исследовательской программы и способных активно представлять и защищать цели и результаты программы» [2, с. 127], на поверку оказываются, в лучшем случае, нуждающимися в дальнейших уточнениях и корректировках на материале определенной науки и философии.

Также не следует забывать о том, что материалом для выработки куновской модели развития науки являлось естествознание. В этой модели предполагалось, что в науке об обществе и человеке (*social science* и *humanities*), в отличие от естествознания (*science*), о парадигмах, аналогичных естественно-научным обычно речь не идет. Однако это, по-видимому, не означает, что школы в социогуманитарном познании функционируют исключительно в соответствии с фейерабендовским принципом «допустимо все» (*anything goes*) [4, с. 152], или, наоборот, что школа в науке является только монопарадигмой в рамках определенной дисциплины. Всесторонне оценить справедливость первого, второго и третьего, можно специально рассматривая статику и динамику, интернациональные, национальные, локальные и глобальные особенности школ в науке, не забывая о том, что они «являются неперменным постоянно действующим фактором ее прогресса» [2, с. 77].

Вот почему вполне своевременна задача уточнения необходимых и достаточных признаков понятия школы в науке и философии на материале истории и теории оформившейся в настоящее время дисциплины: теории и философии теории и практики аргументации, или аргументологии [5].

В мировом научном сообществе достаточно известна Амстердамская школа аргументации [1]. В СССР активно заявляла о себе Ереванская школа аргументации [6]. В наши дни в России ответственно пишут о Калининградской школе аргументации [7], в Польше заявляют о Польской школе аргументации (ПША).

Характеризуя даже названные школы теории и философии аргументации, обычно ссылаются на творчество и организационную деятельность их лидеров и их учеников, научные семинары, конференции, публикацию журналов и подготовку научных кадров (кандидатских и докторских диссертаций и т. п.). Однако на поверку оказывается, что не все из них в равной степени обладают

такими признаками, а некоторые нередко называемые школами сообщества ученых характеризуются не всеми, а только одним или двумя из перечисленных признаков.

Проиллюстрируем это подробнее на примере ПША, опубликовавшей в 2014 г. в научном журнале «Аргументация» («Argumentation») манифест [8], а также некоторых школ аргументации на постсоветском пространстве.

Начнем с того, что география подписантов манифеста ПША удостоверяла национальный характер школы. Манифест подписали сотрудники отдела логики и когнитивных наук Института социологии и логики Польской академии наук К. Будзиньская и М. Арашкевич; кафедр теории права, журналистики и социальной коммуникации Ягеллонского университета; Польского риторического общества из университета в Лодзи, которые выступили совместно с еще пятью десятками ученых из Варшавы, университетов в Познани и Люблине, Вроцлаве и Торуни, Щецине, Ополе и др. Их академическая аффилиация, пусть и косвенно, указывала на дисциплинарную полипарадигмальность ПША.

Особенностями ПША также были, во-первых, относительная молодость ее представителей; во-вторых, зазор в ней между институционализацией и парадигмальным потенциалом; в-третьих, важная роль в ее становлении современных информационно-коммуникационных технологий; в-четвертых, отсутствие сведений о ПША в других странах, как бы намекающее на то, что она является интернациональной вещью в себе, выражаясь по-кантовски.

Более подробное изучение признаков ПША поучительно для понимания природы современных школ теории и философии аргументации и небезынтересно для отечественной науки, поскольку, во-первых, позволяет лучше понять процессы образования школ в теории и философии аргументации в СССР, современной Беларуси и России, а во-вторых, своеобразие отечественного культурно-цивилизационного толкования аргументации, поскольку в русский и белорусский языки это латинское слово пришло в XVI в. из польского.

Роль триггера в становлении ПША сыграли проводившиеся с 2008 г. в Польше образовательные мероприятия (воркшопы) по теории и философии аргументации. Основным спикером на первом был основоположник Амстердамской школы аргументации, профессор Амстердамского университета Ф. ван Эмерен. Роль его, пропагандирующего сегодня достижения теории аргументации в Китае посредством формирования современного глобального «незримого колледжа» аргументации, а также стимулирования интереса к данной теории, нам представляется, по-видимому, еще предстоит оценить [9].

Следует отметить, что Ф. ван Эмерен, а также его коллеги Р. Грутендорст и Т. Крюгер стали одними из первых западных участников проводимых в СССР международных научных конференций по теории и философии аргументации (в 1986 г. в Ереване, 1990 г. в Ленинграде), активно способствуя включению советского сообщества исследователей аргументации в глобальные коммуникативные сети. Правда, с одной оговоркой: в СССР, в отличие от

той же Польши, этому включению предшествовали уже оформившийся к 1984 г. на собственной почве институциональный и парадигмальный интерес к теории и философии аргументации. Поэтому советские ученые в 1980-е годы уже могли вести диалог с представителями Амстердамской школы на равных, знакомить зарубежных исследователей с парадигмальными особенностями советской науки и философии, в частности с диалектикой К. Маркса, концепциями диалога (спора) петербуржца С. И. Поварнина и философского диалогизма, разработанного в 30-е годы XX в. в Витебске М. М. Бахтиным, а также их значением для современной теории и философии аргументации.

Ведущую организационную роль в советском аргументационном сообществе играл академик Г. А. Брутян – основоположник Ереванской школы аргументации.

В Первой всесоюзной научной конференции по аргументации, которая состоялась в 1984 г. в Ереване, приняли участие также и белорусские ученые В. Ф. Берков, В. И. Чуешов, а в 1986 г. – Я. С. Яскевич, защитившая в 1992 г. первую в Беларуси докторскую диссертацию об аргументации в науке [10].

В международной научной конференции по аргументации в 1992 г. в Санкт-Петербурге с расширенным составом представителей Амстердамской школы уже участвовали теоретики аргументации из США, Канады, Финляндии, а научный дискурс об аргументации логиков и философов из Еревана, Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Минска стал диалогичным в интернациональном смысле.

Строго говоря, в СССР только в Армении уже сложилась национальная школа аргументации. Защитившие докторские диссертации по философии аргументации В. И. Курбатов (Ростов-на-Дону, 1991 г.), В. И. Чуешов (Санкт-Петербург, 1993 г.), А. П. Алексеев (Москва, 1995 г.), вводя в научный оборот оригинальные парадигмальные трактовки теории и философии аргументации, скорее стимулировали интерес к теории и философии аргументации на постсоветском пространстве, закладывая непосредственные идейные предпосылки для последующего возможного оформления на данном пространстве оригинальных школ теории и философии аргументации.

Вместе с тем и в наши дни, по-видимому, не столько в когнитивном, сколько в институционально-парадигмальном смысле о школах теории и философии аргументации на постсоветском пространстве можно все еще говорить, по преимуществу, фигурально, отдавая при этом должное, например, работам А. А. Старченко, Д. В. Зайцева, В. Л. Васюкова, Е. Н. Шульги, Ю. В. Ивлева, А. А. Ивина и других ученых в Москве; Е. Н. Лисанюк, А. И. Мигунов, И. Б. Микиртумова в Санкт-Петербурге; В. И. Чуешова, Я. С. Яскевич, В. Ф. Беркова в Минске; И. В. Хоменко, Н. А. Колотиловой, О. Ю. Щербины в Киеве и рассуждая, применительно к их творчеству, о Московской, Санкт-Петербургской, Минской и других школах теории и философии аргументации.

Среди постсоветских школ теории и философии аргументации в большей степени понятию школы до сих пор соответствует сложившаяся в Балтийском федеральном университете имени И. Канта в Калининграде при жизни профессора В. Н. Брюшинкина научно-образовательная традиция, которая до недавнего времени выполняла на постсоветском пространстве фактически функции «незримого колледжа» теории и философии аргументации. Ее история началась в 2006 г. на исследовательском семинаре по теории и философии аргументации «Модели рассуждений», посвященном логике и теории аргументации в историческом и теоретическом аспектах.

Лидер калининградцев В. Н. Брюшинкин разработал оригинальные идеи логико-когнитивной парадигмы системной модели аргументации. Значимой для идентификации школы также была роль издававшегося с 2009 г. электронного научного журнала по теории и философии аргументации «Рацио.Ru». Калининградские идеи и институты, коммуникативные площадки способствовали объединению интереса к теории и философии аргументации исследователей из разных уголков постсоветского пространства (см., в частности, <https://journals.kantiana.ru/ratio/about/>; [10]), давая основание говорить о существовании постсоветской полипарадигмальной школы теории и философии аргументации, продолжающей традицию советского анализа аргументации на качественно новом уровне и в других исторических условиях. Представляется, что анализ роли в этой школе ее отдельных представителей может быть темой специального изучения.

Со своей стороны укажем не только на сходство, но и различия функционирования ПША и, к примеру, Калининградской школы аргументации. В Польше «незримый колледж» аргументации экспонировался неформальной ассоциацией ученых и педагогов «Аргументация, риторика в Польше», сетевым ресурсом по адресу <http://argdiar.pl>, со 2 июля 2018 г. позиционирующимся как зарегистрированная ассоциация «Аргументация, диалог, убеждение».

В отличие от Калининградской, Польская школа единой парадигмы не имела, удостоверив свое существование через манифест. Манифест как онтологический аргумент в духе Ансельма Кентерберийского и конструкт онтологии социального, однако, в лучшем случае только намекал на возможное парадигмальное будущее. Он был примером импортирования институционального подхода к аргументации в польское научно-образовательное сообщество, аккумуляции в нем интереса к аргументации на современной научно-образовательно-просветительной платформе, действенность которой, подчеркнем специально, может измеряться не столько числом читателей, сколько почитателей, подписок на сетевой ресурс, лайков, дизлайков и т. п., за некоторыми из которых могут скрываться интеллектуальные боты или более совершенные инструменты искусственного интеллекта (ИИ).

Следует также не упрощать чрезмерно процессы импортирования как парадигм в современной теории и философии аргументации, так и институцио-

нальных практик. Это важно, так как, например, технология воркшопа (исследовательского семинара) по правилу «Делай как Я!» всегда чревата слабой собственной критической теоретизацией ее пользователей. Жанр манифеста как средства онтологизации и институционализации школы в науке может к тому же иметь разные модальности. В частности, декларации-призыва, как в случае с манифестом ПША, декларации-констатации оформившегося круга ученых, развивающих определенную парадигму. Манифест может адресоваться как элитарной, так и массовой аудитории. Число приверженцев манифеста Венского кружка, опубликованного в 1930 г. в издающемся по сей пору журнале «Erkenntnis», к примеру, первоначально в лучшем случае измерялось десятками. У программы практических действий «Манифеста коммунистической партии», написанного по заданию тайной организации рабочего класса «Союз коммунистов» К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г., и сегодня еще десятки и даже сотни миллионов сторонников.

Одним из частных показателей элитарности научной школы является количество защищенных в ней диссертаций. По этому показателю на постсоветском пространстве до сих пор, по-видимому, в лидерах Ереванская школа, в которой была защищена еще в 1987 г. первая в СССР докторская диссертация П. Ц. Агаяна об аргументации в философии. ПША по этому показателю является скорее массовой школой институционального типа. Это, однако, не означает, что она не имеет, например, элитарных идейных парадигмальных предпосылок, которые для целей анализа условно можно поделить на непосредственные и исторические.

В качестве первых авторы манифеста ПША указывали, например, статью Ф. Дигнума, Д. Дунина-Купича, Р. Вербрюгге «Формирование коллективного намерения посредством диалога» (2001), публикации А. Грабовского «Частный случай диссертации: его критика и интерпретация» (2003); Ю. Лиханьского «Риторика в Польше. Исследования по истории, преподаванию и теории во времена Первой Республики Польша» (2003); М. Смолака «Судебное оправдание как морально-политическая аргументация» (2003); К. Шиманека, К. Вечорека, А. Войцика «Искусство аргументации» (2003), а также Б. Боголебской «Стилистический и риторический контексты» (2006); М. Токаржа «Аргументация, убеждение, манипуляция» (2006); Т. Холувки «Логическое образование в примерах» (2007) и др. [8]. При этом, если судить только по названию этих работ, непосредственное отношение к аргументации, очевидно, имели не все. Более значимыми маркерами школьности ПША были публикации польских авторов на страницах международных научных журналов: «Аргументация» («Argumentation»), «Информальная логика» («Informal Logic»), а в Польше на английском и польском языке – в «Исследованиях в области логики, грамматики и риторики» («Studies in Logic, Grammar and Rhetoric»).

Название последнего весьма показательно, указывая исторические корни современного польского научного дискурса об аргументации в традициях

тривиума, в котором аргументация рассматривалась как феномен логики, риторики и языка. Следовательно, авторы манифеста ПША резонно замечали, что «общим мотивом данной школы является объединение в представлениях о действенности аргументации логической силы ее валидности, риторической силы ее убедительности, прагматической силы ее коммуникативных интенций, а также многих других аспектов, в которых учитывается особая роль *разума, доверия и познания* (выделено нами. – В. Ч.)» [8, р. 268].

В рассматриваемом манифесте отмечалось, что ПША «учитывает вызовы, связанные с *интеграцией различных исследовательских подходов и научных дисциплин в изучении аргументации*, и базируется на разработке *такой методологической программы* (все выделено нами. – В. Ч.), которая обеспечит мощный и действенный характер Польской школы аргументации» [8, р. 268].

В этом отношении для понимания особенностей школы значим анализ исторических идейных предпосылок ПША. Одну из них вслед за авторами манифеста можно эксплицировать через наследие Львовско-Варшавской школы (ЛВШ) в философии, которая в Польше до Второй мировой войны насчитывала от сотни до нескольких тысяч человек. Именно из этой научной школы ПША восприняла интерес к логике и, шире, к возможностям использования на ее основе ИИ в аргументации. Последнее при этом не исключает значение других исторических идейных источников ПША, например работ родившегося в Варшаве в 1912 г. бельгийского ученого Х. Перельмана – создателя новой риторики, оригинальной разновидности юридической логики, но это также тема специального исследования.

Не ограничиваясь далее разбором деклараций Польской школы аргументации о важности изучения взаимосвязи рассуждений, коммуникации и языка, интеграции формально-логического моделирования аргументации с диалогическим неформальным подходом к ней в современной прагматике и теории речевых актов, необходимости единства концептуального и эмпирического подходов к аргументации; разработки такой теоретической модели аргументации, которую можно практически использовать в политике, публичных дебатах, праве, образовании, медицине, подчеркнем влияние на ПША в этих вопросах ее амстердамского прообраза.

Что касается фактически педалируемой в ПША необходимости концептуальной унификации конгломерата качественно несовместимых научных дисциплин вокруг проблемы эффективности аргументации [8, р. 269], то она, как нам представляется, является одним из маркеров неклассического характера данной школы, ее ориентаций на постпарадигмальные стандарты школы в науке, в конечном счете, на реализацию постмодернистской установки на совмещение несовместимого, или, по выражению Л. Фидлера, «засыпание рвов», или, уточним от себя, стирания границ между дисциплинами и специальностями в науке.

В этой ориентации различные парадигмы могут совмещаться внешним, механическим способом, позволяя, к примеру, специфицировать национальный статус школы наличием у ее членов соответствующего паспорта, а ее институциональный характер – включенностью в определенную сетевую платформу. Данные признаки школы в теории аргументации, безусловно, затрудняют ответы на классические вопросы о создателях и (или) лидерах ПША, среди которых, не преуменьшая роли К. Будзинской из Варшавы и ее коллеги из Белостока М. Кошовой, обращают на себя внимание и опубликованные в специальном выпуске журнала «Аргументация» за 2014 г. (т. 28, вып. 3), посвященном непосредственно ПША, работы К. Дебовской-Козловской о модели убеждения (претендующей на парадигмальный статус когнитивной бенефициарной модели убеждения), М. Селингера о концепции логической силы аргументации и другие материалы, а также составленная К. Будзинской и М. Кошовым географически-интеллектуальная карта научной школы [8, fig. 1]. Последняя, например, свидетельствует о том, что философия ПША разрабатывается в Варшаве, Щецине, Кракове, Люблине, Белостоке, а логика – в Кракове, Ополе и т. п., не содержа, однако, ответа на вопрос, являются ли в парадигмальном смысле философия аргументации в Варшаве однопорядковой с такой в университетах Щецина, Люблина, Белостока и возможна ли более строгая моно- или полипарадигмальная идентификация ПША в целом.

На проверку не менее проблематичными в парадигмальном измерении оказываются также и исторические идейные предпосылки ПША, например, в Львовско-Варшавской школе в философии. На это, кстати, по другому поводу указывали и польские (И. Думская и др.), и отечественные (В. Л. Васюков и др.) исследователи. Согласно В. Л. Васюкову, в оценках ЛВШ как школы «проблемы возникают и при попытке сформулировать ту научную парадигму, которой, по-видимому, придерживались (могли придерживаться) члены школы» [12, с. 17].

Как старые, так и новые исследователи ЛВШ единодушны в оценках роли ее создателя и лидера К. Твардовского (1866–1938). Выпускник Венского университета, постигавший тайны философии, в частности, у австрийского мыслителя Ф. Brentano, уже в 1895 г., благодаря педагогическому таланту вокруг кафедры философии Львовского университета сплотил группу учеников. После его лекций, «по городу поползли дикие слухи, что все сказанное во время его лекций и занятий понятно. На них нет хождения вокруг да около, никакого инсайдерского жаргона. Объясняется каждое слово и вопрос, независимо от того, насколько они отличаются...» [13, р. 62]. Представления Ф. Brentano и Э. Гуссерля о философии как строгой науке во Львове оказались конгениальными умонастроениям молодежи, а философия «впервые в истории философии завоевала такое огромное внимание в Польше. В университете, а не в церкви. Самые большие залы стали трещать по швам; и пришлось построить новый, чтобы вместить толпу» [13, р. 62].

Львов заимствовал из Австро-Венгерской империи философский позитивизм, идею необходимости союза логики и опыта для изучения и использования аргументации. В самой Польше, входившей в конце XIX в. в состав Российской империи, ростки позитивизма были еще незаметны, и в Варшаве, где по указу Александра I в 1816 г. был открыт, а затем, после восстания 1830 г. закрыт университет, первым ректором которого был ксендз, теолог В. Швейковский, а преподавание и делопроизводство после повторного открытия в 1869 г. велось на русском языке. Во время Первой мировой войны Варшавский университет был частично перебазирован в Ростов-на-Дону, а в Варшаве в условиях немецкой оккупации в 1915 г. стал работать польскоязычный университет.

Философия ЛВШ базировалась на позитивистских и феноменологических установках венских учителей. Согласно этим установкам дискурс должен соответствовать императивам точности, строгости и ясности языка и мысли. К. Твардовский полагал, что по своему методу и языку философия является строгой наукой и философ должен иметь глубокие знания по крайней мере в одной из нефилософских дисциплин [13, р. 61]. Неверифицируемая, непоследовательная аргументация для философии считалась неприемлемой, так как логика (математическая) в конечном счете соответствовала и (или) не противоречила физике реального мира, и наоборот, последняя оказывалась конгенитальной логике правильного в семантическом и синтаксическом отношении мышления.

Несмотря на импорт исходной парадигмы, уместна оценка Я. Ядацкого, что ЛВШ в итоге все же трансформировала связи польской и европейской философии из односторонних в двусторонние. Для изучения философии в Польшу стали приезжать студенты из-за границы, например, американский философ и математик У. Куайн, а в других странах «произведения польских авторов стали читать в поисках вдохновения» [13, р. 60]. Традиции К. Твардовского были продолжены К. Айдукевичем (1890–1963) – известным специалистом в философии семиотики, синтаксиса и прагматики, теории семантических категорий, к которым, в частности, обращался В. Ф. Берков в отечественном учебнике по логике.

К. Айдукевич считал упрощением представление о том, что в философских предложениях используются подлежащие и сказуемые, наречия и предлоги, а в логике – понятия субъекта, предиката и связи между ними. Польский ученый ратовал за новый философский язык как язык искусственный, формальный, синтаксис которого состоит из предложений, имен, операторов и их аргументов. Философскую аргументацию, построенную на таком языке, он оценивал как правильную, если ее посылки и следствия были синтаксически однопорядковыми. Это гарантировало их эквивалентность и в семантическом отношении. Согласно К. Айдукевичу, тот, кто не признавал, например, предложение «Квадрат является прямоугольником» истинным, нарушал

дедуктивное правило значения, а тот, кто отрицал, что он является фигурой квадрата, нарушал эмпирическое правило значения [13, р. 340].

Теория семантических категорий открывала новые перспективы изучения искусственных, в частности формализованных языков, которые используются в наши дни в ИИ. Она обогащала представления Г. Фреге о том, что учиться познанию у естественного языка то же самое, что «учиться мышлению у младенца», тезис Б. Рассел о том, что грамматика естественного языка «не соответствует его логике», представления раннего Л. Витгенштейна, что «язык преодолевает наши мысли» (цит. по [14, с. 4]).

Видными представителями ЛВШ являются создатель праксеологического направления в философии Т. Котарбинский, а также Ю. Бохеньский. Последний специально изучал взаимосвязи логики и веры. Краткий обзор перечисленных нами идейных источников свидетельствует, что ПША из ЛВШ наследует прежде всего представления об исключительной роли общей логической культуры и философии в социуме.

Вместе с тем апелляции к значимости общей логической культуры и ее роли в аргументации в ПША в наши дни в интернациональном научном сообществе далеки от однозначности. На это, например, указывается в Амстердамской и Эрлангенской (П. Лоренцен), Брюссельской (Х. Перельман, М. Мейер и др.) школах аргументации, в работах советских, а также белорусских ученых об особенностях неформальной, в том числе информальной и диалектической логики, аргументологии.

Этого, впрочем, не исключал в ЛВШ и, например, К. Айдукевич, который выделял различные виды вывода, особенности дефиниций, вопросов, правил и т. д. как способов и познания, и коммуникации [8], пусть даже и безотносительно к тому, что, согласно М. Кошовому и М. Арашкевичу, сами представители ЛВШ «подробно не рассматривали проблему анализа аргументации, ее оценки и презентации» [15, р. 284].

Следует согласиться и с тем, что среди исторических идейных предпосылок ЛВШ для ПША были существенны идеи Я. Лукасевича, который разработал оригинальный язык формальной логики и доказал, что силлогистика Аристотеля есть частный случай общей дедуктивной системы; С. Лесневского, разрабатывавшего принципы мереологии как части общей теории множеств, доказывавшего тезис о том, что искусственный язык лучше языка естественного точно так же, как Панамский канал лучше порогов Днепра, а также А. Тарского. Обратим внимание на оценки логико-языковых наработок ЛВШ А. Тьюрингом, согласно которому польская нотация языка формальной логики более приспособлена для компьютерного, основанного на обработке данных, программирования, притом, что работы, написанные на польском языке, до сих пор весьма ограниченно влияют на развитие теории и философии аргументации [16].

В содержании постулата ЛВШ о ценности логической культуры существуют также замечания А. Тарского во «Введении в логику и методологию дедуктивных наук» о том, что «совершенствуя и оттачивая инструменты мышления логика делает человека более критичным и, таким образом, снижает вероятность того, что он будет введен в заблуждение теми предрассудками, которым он подвергается в различных частях современного мира» [17, р. xi]; Я. Лукасевича, что логика является «моралью мышления и языка» и при дальнейшем развитии с учетом современных условий она может даже рассматриваться как имеющая историческое происхождение заявка на оформление современных парадигмальных особенностей ПША.

Таким образом, конкретно-историческое изучение необходимых и достаточных признаков школ в теории и философии аргументации свидетельствует о том, что в процессе их кристаллизации определяющую роль могут играть и парадигмальные (как современные, так и сформулированные в прошлом), и институционально-коммуникативные факторы. В свою очередь они могут осмысливаться и воплощаться в жизнь по разным траекториям: через оформление дисциплин и специальностей, реализацию не только «учеными в организации», но и «учеными в стране», не только лидерами научных школ, но и выполняющими лидерские функции «незримыми колледжами», сформированными на различных институциональных и коммуникативных платформах.

В заключение отметим, что в дополнительном исследовании еще нуждаются особенности статистики и динамики научных школ теории и философии аргументации, их индивидуальные и коллективные компоненты. Важно также, вслед за М. Г. Ярошевским, не забывать о существовании различных уровней дисциплинарного измерения школ в науке. В частности, категориального уровня школы, реализующегося, на мой взгляд, обычно через введение в оборот новых понятий, категорий, принципов, закономерностей соответствующей дисциплины в рамках нового языка дисциплины в целом и уровня теоретического (концептуального), название которого говорит само за себя.

Заслуживают также дальнейшего изучения вопросы о том, реализуется ли категориальный уровень школ в науке только на индивидуальном, а концептуальный – на коллективном уровне, или же индивидуальное и коллективное, а также личностное и институциональное и иные измерения школы в науке и философии аргументации связаны между собой более сложным образом, поскольку впитывают в себя парадигмальные и предпарадигмальные, непосредственные и исторические идейные предпосылки, выступают результатом современной оценки, критики и синтеза различных идей и принципов понимания аргументации, имеющих и национальное, и интернациональное, и локальное, и глобальное своеобразие.

Список использованных источников

1. Handbook of Argumentation Theory / F. H. van Eemeren [et al.]. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2014. – 988 p.
2. Школы в науке : сб. ст. / отв. ред.: С. Р. Микулинский [и др.]. – М. : Наука, 1977. – 524 с.
3. Лапшин, И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. Введение в историю философии / И. И. Лапшин. – М. : Республика, 1999. – 399 с.
4. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения: очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд ; пер. с англ. А. Л. Никифорова // Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М. : Прогресс, 1986. – С. 125–476.
5. Чуешов, В. И. Об ориентирах аргументологии в информационном обществе / В. И. Чуешов // Радио.ru. – 2016. – № 17 (1). – С. 10–29.
6. Брутян, Г. А. Аргументация / Г. А. Брутян. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1984. – 105 с.
7. Брюшинкин, В. Н. Системная модель аргументации / В. Н. Брюшинкин // Трансцендентальная антропология и логика : тр. междунар. семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений / Калинингр. ун-т ; В. Н. Брюшинкин (гл. ред.). – Калининград, 2000. – С. 133–155.
8. The Polish School of Argumentation: A Manifesto / K. Budzynska-[et al.] // Argumentation. – 2014. – Vol. 28, iss. 3. – P. 267–282.
9. Жмакина, Т. В. Прагма-диалектическая концепция аргументации и модели политики / Т. В. Жмакина // Проблемы управления. – 2019. – № 1 (71). – С. 144–149.
10. Яскевич, Я. С. Аргументация в науке / Я. С. Яскевич. – Минск : Университетское, 1992. – 140 с.
11. Модели рассуждений – 3. Когнитивный подход : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 368 с.
12. Васюков, В. Л. Метопарадигма Львовско-Варшавской философской школы / В. Л. Васюков // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы. – СПб. : Изд-дом «Мирь», 2006. – С. 11–40.
13. Jadacki, J. Polish Philosophy of the 19th and 20th Centuries Heritage Studies / J. Jadacki. – Warsaw : Semper, 2015. – 528 p.
14. Анкин, Д. В. Семиотика философии: философско-методологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08 / Д. В. Анкин. – М., 2004. – 43 с.
15. Koszowy, M. The Lvov-Warsaw School as a Source of Inspiration for Argumentation Theory / M. Koszowy, M. Araszkievicz // Argumentation. – 2014. – Vol. 28, iss. 3. – P. 283–300.
16. Воленьский, Я. Львовско-Варшавская философская школа / Я. Воленьский. – М. : РОССПЭН, 2004. – 470 с.
17. Tarski, A. Introduction to logic and to the methodology of deductive sciences / A. Tarski. – New York : Dover Publications, 1995. – 241 p.